

УДК 165:004.8 + 111.1 + 101.1:316

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

доктор философских наук, профессор, заведующий сектором
Института философии имени академика А. А. Алтымышбаева
Национальной академии наук
при Президенте Кыргызской Республики
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2503-4286>
E-mail: askar.a.bekboev@gmail.com

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

философия илимдеринин доктору, профессор,
Кыргыз Республикасынын Президентине караштуу
Улуттук илимдер академиясынын Академик А. А. Алтымышбаев атындагы
Философия институтунун сектор башчысы

Bekboev Askarbek

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor,
Head of Sector at the Institute of Philosophy named after Academician
A. A. Altymysbaev, National Academy
of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ СОВРЕМЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

**АЗЫРКЫ ЗАМАНДЫН ЭКЗИСТЕНЦИАЛДАРЫ
АЛГОРИТМДИК РАЦИОНАЛДУУЛУК ШАРТЫНДА**

**EXISTENTIALS OF MODERNITY
IN THE CONTEXT OF ALGORITHMIC RATIONALITY**

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу трансформации экзистенциалов человеческого бытия в условиях алгоритмической рациональности цифровой эпохи. Алгоритмическая рациональность рассматривается не только как технический инструмент, но как новая онтологическая установка, формирующая «онтологию прозрачности», в рамках которой поведение интерпретируется как вычислимый процесс. В сопоставлении с экзистенциальной философией (Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр) анализируются категории свободы, тревоги, вины, проектности, смысла и ответственности. Показано, что данные экзистенциалы не исчезают в цифровой среде, но трансформируются, выявляя предел редукции субъекта к вероятностной модели. Обосновывается тезис о том, что ответственность как акт авторства выступает границей алгоритмической онтологии и условием сохранения субъектности в XXI веке.

Ключевые слова: алгоритмическая рациональность, цифровая эпоха, экзистенциалы, свобода, тревога, вина, проектность, смысл, ответственность, субъектность, онтология прозрачности, философия технологии.

Аннотация. Бул макала санарип доорундагы алгоритмдик рационалдуулук шартында адам болмушунун экзистенциалдык категорияларынын өзгөрүүсүн философиялык талдоого

арналган. Алгоритмдик рационалдуулук техникалык курал катары гана эмес, жүрүм-турумду эсептелүүчү процесс катары түшүндүргөн жаңы онтологиялык орнотуу катары каралат. Экзистенциалдык философиянын (Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр) алкагында эркиндик, кооптонуу, күнөө, долбоорлуулук, маани жана жоопкерчилик түшүнүктөрү талданат. Санариптик чөйрөдө бул категориялар жоголбой, тескерисинче, өзгөрүп, субъектти ыктымалдык модельге кыскартуунун чегин көрсөтөрү негизделет. Жоопкерчилик автордук акт катары алгоритмдик онтологиянын чегин жана XXI кылымдагы субъекттүүлүктүн шарты катары каралат.

Негизги сөздөр: алгоритмдик рационалдуулук, санарип доору, экзистенциалдар, эркиндик, кооптонуу, күнөө, долбоорлуулук, маани, жоопкерчилик, субъекттүүлүк, ачык-айкындуулук онтологиясы, технология философиясы.

Abstract. This article provides a philosophical analysis of the transformation of existential structures of human existence in the context of algorithmic rationality in the digital age. Algorithmic rationality is interpreted not merely as a technical instrument but as a new ontological framework that establishes an “ontology of transparency,” within which human behavior is understood as a computable process. In dialogue with existential philosophy (Kierkegaard, Heidegger, Sartre), the categories of freedom, anxiety, guilt, projectivity, meaning, and responsibility are examined. The study argues that these existential structures do not disappear in digital environments but undergo transformation, revealing the limits of reducing subjectivity to probabilistic models. Responsibility, understood as an act of authorship, is identified as the boundary of algorithmic ontology and a condition for preserving subjectivity in the twenty-first century.

Keywords: algorithmic rationality, digital age, existential structures, freedom, anxiety, guilt, projectivity, meaning, responsibility, subjectivity, ontology of transparency, philosophy of technology.

Введение

Цифровая трансформация современного общества сопровождается формированием нового типа рациональности, в рамках которого человеческое поведение и социальные процессы интерпретируются через призму алгоритмической обработки данных. Алгоритмические системы анализа и предиктивные модели становятся элементами когнитивной инфраструктуры повседневности. Поведение субъекта рассматривается как статистически моделируемая динамика, а принятие решений — как процедура оптимизации на основе корреляционных зависимостей.

Алгоритмическая рациональность выходит за пределы технической инструментальности и приобретает нормативный характер. Она структурирует информационную среду, ранжирует альтернативы и тем самым опосредует поле возможного. В результате изменяется антропологический статус субъекта: человек всё чаще интерпретируется как совокупность устойчивых поведенческих паттернов, поддающихся количественному анализу и вероятностному прогнозированию [2; 9].

Данная трансформация актуализирует вопрос о границах редукции человеческого существования к вычислимым моделям. В философии техники и информации подчёркивается, что цифровая среда влияет не только на формы коммуникации, но и на структуру субъектности [6; 12; 13]. Однако остаётся недостаточно прояснённым, каким образом алгоритмическая рациональность воздействует на фундаментальные структуры человеческого бытия, традиционно обозначаемые как экзистенциалы.

Экзистенциальная традиция XIX–XX вв. — от Сёрен Кьеркегор до Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр — исходила из утверждения внутреннего разрыва как структуры человеческого существования. Человек понимается как открытость возможности, не совпадающая с собственной фактичностью [4; 7; 11]. Свобода, тревога, вина, проектность, смысл и ответственность трактуются как онтологические характеристики существования.

Алгоритмическая рациональность, напротив, ориентирована на минимизацию неопределённости. Предполагается, что при достаточном объёме данных возможно построение моделей, позволяющих описы-

вать и предвосхищать действия субъекта [3]. Формируется онтология прозрачности, в которой поведение рассматривается как вычислимый процесс.

В этой связи возникает теоретическая проблема: сохраняют ли экзистенциалы свою онтологическую значимость в условиях алгоритмически структурированной реальности или же они трансформируются в функциональные параметры цифровых систем? Иными словами, возможно ли сохранение свободы, ответственности и смысловой проектности в среде, где принятие решений всё чаще опосредуется вычислительными процедурами?

Методологической основой исследования выступает сравнительный философский анализ, сочетающий элементы экзистенциальной онтологии и философии техники. Использование работ классических представителей экзистенциальной традиции [4; 7; 11; 14] и современных исследований цифровой трансформации [2; 6; 9; 12; 13] позволяет сопоставить структуру человеческого существования с логикой алгоритмической рациональности.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении алгоритмической рациональности как онтологической установки и в анализе экзистенциалов как предельных структур субъективности. Цель статьи — выявить характер их трансформации в цифровую эпоху и определить границы редукции человеческого существования к вычислимым моделям.

Таким образом, исследование направлено на анализ философских оснований современного антропологического сдвига, в центре которого находится проблема сохранения онтологической автономии субъекта в среде, структурированной логикой прогнозирования и оптимизации.

I. Алгоритмическая рациональность как новая онтологическая установка

В классическом понимании алгоритм представляет собой формализованную процедуру вычисления, ориентированную на получение определённого результата при заданных исходных данных. Однако в условиях цифровой трансформации алгоритм выходит за рамки инструментальной функции и приобретает статус универсальной схемы

интерпретации поведения. Его значение перестаёт ограничиваться технической операциональностью и начинает распространяться на антропологический и онтологический уровни.

Алгоритмическая рациональность формируется как особый тип мышления, основанный на корреляционном анализе, вероятностном прогнозировании и оптимизационных процедурах. В рамках данной рациональности человеческое действие рассматривается как элемент массива данных, подлежащий статистической обработке. Поведение субъекта описывается через устойчивые паттерны, выявляемые в ходе анализа больших данных, а принятие решений интерпретируется как выбор наиболее вероятного или оптимального варианта [2; 9].

В результате происходит эпистемологический сдвиг: предсказание постепенно начинает выполнять функцию объяснения. Если классическая рациональность ориентировалась на установление причинно-следственных связей, то алгоритмическая логика опирается на корреляционные зависимости. Объяснительная глубина уступает место прогностической эффективности. При этом корреляция становится достаточным основанием для принятия решения, а оптимизация — критерием рациональности.

Подобная установка приводит к формированию того, что можно обозначить как онтологию прозрачности. Предполагается, что при наличии достаточного объёма данных любое действие может быть описано, объяснено и спрогнозировано. Неопределённость трактуется как временный дефицит информации, а не как фундаментальная характеристика человеческого существования. Субъект в этой перспективе оказывается редуцирован к модели — к совокупности параметров, поддающихся количественной фиксации и аналитической обработке.

Антропологическое следствие данного процесса заключается в смещении акцента с существования как открытости возможности на существование как устойчивый поведенческий паттерн. Если в классической философии субъект рассматривался как носитель рефлексивной автономии [5], то в алгоритмической среде он всё чаще интерпретируется как элемент вычислительной

архитектуры, чьи реакции могут быть предвосхищены на основе предыдущих данных. В этом смысле алгоритмическая рациональность предполагает функционализацию субъекта.

Современные исследования цифровой среды подчёркивают, что алгоритмы не только описывают, но и структурируют реальность, формируя информационные фильтры и приоритеты [6; 9]. Тем самым происходит не просто моделирование поведения, а его косвенное конструирование. Алгоритмическое посредничество влияет на условия выбора, а значит — на структуру действия.

В контексте экзистенциальной философии подобная трансформация приобретает особую значимость. Экзистенциальная традиция исходила из принципиальной непрозрачности человека самому себе. У Мартин Хайдеггер человеческое существование (*Dasein*) раскрывается в горизонте ещё-не-бытия и определяется как открытость возможности [11]. У Жан-Поль Сартр человек мыслится как «ничто», способное разрывать плотность фактичности и выходить за пределы заданного [7].

В обоих случаях внутренний разрыв рассматривается как структурное основание свободы. Человек не совпадает с наличным состоянием и не сводим к фактической данности. Его существование связано с возможностью трансцендирования заданных условий.

Алгоритмическая установка, напротив, стремится устранить разрыв, интерпретируя неопределённость как недостаток данных, а не как онтологическую характеристику. Разрыв между фактом и возможностью преобразуется в вероятностную модель, где будущее выводится из прошлого через статистическую корреляцию. В этой перспективе возможность оказывается подчинённой вероятности.

Таким образом, формируется фундаментальное напряжение между вычислительной и экзистенциальной моделями человека. Первая исходит из прозрачности и предсказуемости поведения; вторая — из его открытости и принципиальной несводимости к фактичности. Первая стремится к минимизации неопределённости; вторая рассматривает её как условие свободы.

Алгоритмическая рациональность, понимаемая как онтологическая установка, тем самым ставит под вопрос статус внутреннего разрыва как основания субъективности. В этом и заключается философская проблематика: не в технических возможностях алгоритмов, а в трансформации понимания самого человеческого существования.

II. Свобода: от онтологического разрыва к вариативности опций

В экзистенциальной философии свобода понимается не как эмпирическая возможность выбора между альтернативами, а как фундаментальная структура человеческого бытия. Свобода не добавляется к существованию, а составляет его онтологическое основание. В этом контексте свобода выступает не правом и не психологическим состоянием, а неизбежностью выбора, уклонение от которого невозможно.

В философии Жан-Поль Сартр свобода мыслится как неустрашимое измерение человеческого существования. Человек «обречён быть свободным», поскольку не может избежать необходимости выбирать даже в ситуации внешней детерминации [7]. Отказ от решения также является формой решения. Свобода, таким образом, не зависит от количества альтернатив, а определяется структурным разрывом между фактичностью и возможностью.

Экзистенциальная свобода предполагает внутреннее авторство действия. Субъект не просто выбирает из предложенных опций, но соотносит решение со своим существованием, принимая его как собственное. Именно в этом акте присвоения проявляется свобода как экзистенциал.

В условиях алгоритмической рациональности происходит переопределение свободы в количественных терминах. Увеличение числа доступных опций, расширение спектра альтернатив и персонализация предложений интерпретируются как рост свободы. Цифровая среда предоставляет множество вариантов — товаров, маршрутов, информационных источников, стратегий поведения. Свобода начинает отождествляться с вариативностью.

Однако множественность альтернатив не гарантирует внутреннего авторства решения. Алгоритмическая среда не только

расширяет поле выбора, но и структурирует его. Рекомендательные системы, ранжирование контента и поведенческое профилирование формируют приоритеты, в рамках которых субъект осуществляет выбор [6; 9]. Таким образом, выбор осуществляется в уже отфильтрованном пространстве.

Свобода как экзистенциал предполагает возможность выйти за пределы вероятностной модели. Если действие субъекта полностью предсказуемо на основании статистических закономерностей, то свобода оказывается редуцированной к иллюзии вариативности. В этом случае выбор становится функцией вероятности, а не актом внутреннего самоопределения.

Следует подчеркнуть, что алгоритмическая рациональность не отменяет формального наличия выбора. Она изменяет его структуру. Поведение прогнозируется на основе предшествующих данных, и будущие действия субъекта рассматриваются как продолжение выявленных паттернов. Возможность разрыва с прошлым оказывается подчинённой логике корреляции.

В экзистенциальной традиции свобода связана с способностью субъекта выйти за пределы заданных обстоятельств. У Мартин Хайдеггер свобода мыслится в горизонте открытости возможности, а не в плоскости количественного выбора [11]. Субъект не совпадает с собственной фактичностью и способен трансцендировать её.

Алгоритмическая рациональность, напротив, исходит из предположения о континуальности поведения. Будущее выводится из прошлого через статистическую зависимость. В этом контексте свобода смещается из онтологической плоскости в функциональную. Она перестаёт быть структурой существования и превращается в параметр системы.

Таким образом, в цифровую эпоху свобода претерпевает существенную трансформацию. Она перемещается из сферы выбора между опциями в сферу отношения субъекта к предсказуемости. Свобода проявляется не в количестве альтернатив, а в способности субъекта не совпасть с моделью, выйти за пределы вероятностного сценария и принять решение вопреки алгоритмическому ожиданию.

Следовательно, проблема свободы в условиях алгоритмической рациональности заключается не в сокращении числа опций, а в изменении структуры самоопределения. Вопрос состоит в том, сохраняется ли возможность внутреннего разрыва как основания авторства, или же свобода редуцируется к вариативности в пределах статистически заданного поля.

Именно в этом напряжении между онтологическим разрывом и алгоритмической предсказуемостью разворачивается современная философская проблематика свободы.

III. Тревога и вина: экзистенциальные индикаторы субъективности

В экзистенциальной философии тревога и вина рассматриваются не как психологические состояния, а как структурные характеристики человеческого существования. Они выступают индикаторами свободы и свидетельствуют о внутреннем разрыве между фактичностью и возможностью.

В философии Сёрен Кьеркегор тревога определяется как «возможность возможности» — состояние, в котором человек осознаёт собственную способность выбирать [4]. Тревога возникает не вследствие внешней угрозы, а из-за открытости будущего. Она выражает неопределённость как фундаментальное измерение человеческого бытия. В этом смысле тревога не подлежит окончательному устранению без утраты самой структуры свободы. Устранение тревоги означало бы устранение открытости возможности.

Алгоритмическая рациональность, напротив, ориентирована на минимизацию неопределённости. Механизмы фильтрации информации, персонализированные рекомендации и автоматизация решений направлены на снижение когнитивной нагрузки и уменьшение риска. Неопределённость интерпретируется как недостаток данных или как техническая проблема, подлежащая оптимизации.

В результате формируется ощущение управляемости среды: поведение становится предсказуемым, а последствия — просчитываемыми. Однако подобная минимизация неопределённости имеет онтологические последствия. Если выбор всё более опосредуется алгоритмическими процедурами, то пе-

реживание открытости будущего ослабевает. Тревога трансформируется: из экзистенциального опыта свободы она превращается в технический дискомфорт, связанный с перегрузкой информации или необходимостью адаптации к цифровой среде.

Данный процесс сопровождается изменением статуса субъекта. Субъект, понимаемый в экзистенциальной традиции как носитель внутреннего разрыва, постепенно замещается фигурой пользователя — функционального участника цифровой системы. Пользователь действует в пределах структурированного алгоритмами пространства, где неопределённость сведена к минимуму.

Тем не менее устранение неопределённости не означает устранение свободы. Оно означает изменение её переживания. Если тревога редуцируется к техническому фактору, то исчезает осознание собственной открытости и ответственности.

Категория вины также претерпевает существенную трансформацию. В философии Жан-Поль Сартр вина связана с феноменом «дурной веры» — бегства от признания собственной свободы [7]. Человек виновен не только в нарушении нормы, но и в попытке скрыться за ролью, обстоятельствами или системой. Вина свидетельствует о том, что субъект признаёт себя автором собственного действия.

В условиях алгоритмической рациональности происходит перераспределение ответственности. Решения всё чаще принимаются с опорой на рекомендации систем; прогнозы и оценки генерируются алгоритмически; выбор опосредуется цифровой инфраструктурой. В результате возникает феномен диффузии ответственности: действие становится результатом взаимодействия человека и системы.

Подобное распределение может создавать иллюзию снижения индивидуальной вины. Ошибка трактуется как сбой алгоритма или как следствие неверной обработки данных. Тем самым вина смещается в плоскость технической неисправности.

Однако, как подчёркивал Ханс Йонас, технологическое посредничество не устраняет моральной ответственности [см. 12; 13]. Делегирование вычисления не означает делегирование авторства. Даже если реше-

ние формируется с использованием алгоритмических инструментов, окончательный акт согласия остаётся за субъектом.

Именно в признании этого согласия сохраняется вина как маркер субъективности. Вина указывает на то, что действие не сводится к автоматической реакции системы. Она фиксирует остаток внутреннего разрыва, который не может быть полностью устранён техническими средствами.

Таким образом, тревога и вина в условиях алгоритмической рациональности не исчезают, но изменяют форму проявления. Тревога утрачивает статус явного переживания открытости и может маскироваться под управляемый риск. Вина подвергается диффузии в сетевых структурах ответственности. Однако обе категории продолжают указывать на предел редукции субъекта к модели.

Следовательно, тревога и вина сохраняют значение экзистенциальных индикаторов субъективности. Их трансформация в цифровую эпоху выявляет напряжение между логикой оптимизации и структурой внутреннего разрыва, лежащей в основании человеческого существования.

III. Тревога и вина: экзистенциальные индикаторы субъективности

В структуре экзистенциальной философии тревога и вина выступают не как эмпирические состояния психики, а как фундаментальные модусы человеческого существования. Они свидетельствуют о внутреннем разрыве, благодаря которому субъект не совпадает с собственной фактичностью и не сводится к заданным обстоятельствам.

В философии Сёрен Кьеркегор тревога определяется как «возможность возможности» [4]. Это состояние не связано с конкретной угрозой, а выражает осознание открытости будущего и собственной способности выбирать. Тревога фиксирует неопределённость как онтологическое измерение свободы. Она указывает на то, что человек существует не только в пределах фактического, но и в горизонте возможного. В этом смысле тревога не может быть полностью устранена без утраты самой структуры свободы: её исчезновение означало бы закрытие пространства возможности.

Алгоритмическая рациональность ориентирована на иное понимание неопределённости. В рамках цифровой среды неопределённость интерпретируется как дефицит информации или как фактор риска, подлежащий минимизации. Фильтрация данных, персонализированные рекомендации и автоматизация решений направлены на снижение когнитивной нагрузки и формирование ощущения управляемости [6; 9]. Будущее всё чаще представляется как результат вероятностного расчёта.

Подобная установка изменяет характер переживания свободы. Если выбор структурирован алгоритмически и предваряется предиктивными моделями, то открытость возможности оказывается частично заместимой вероятностным сценарием. Тревога, как переживание открытости, утрачивает экзистенциальную остроту и может восприниматься как технический дискомфорт, связанный с необходимостью адаптации к цифровой среде или с перегрузкой информацией.

Тем самым субъект, понимаемый как носитель внутреннего разрыва, постепенно трансформируется в пользователя — участника алгоритмически организованного пространства. Пользователь действует в пределах уже структурированного поля альтернатив. Однако такая трансформация не устраняет полностью внутреннюю неопределённость; она лишь изменяет её форму проявления.

Категория вины также подвергается существенной переинтерпретации. В философии Жан-Поль Сартр вина связана с феноменом «дурной веры» — стремлением уклониться от признания собственной свободы и переложить ответственность на внешние обстоятельства [7]. Вина возникает там, где субъект осознаёт себя автором действия и одновременно стремится скрыть это авторство.

В цифровой среде происходит распределение ответственности между человеком и системой. Алгоритмы участвуют в принятии решений, формируют рекомендации, оценивают риски. В результате возникает феномен диффузии ответственности: действие представляется следствием совместной работы субъекта и технической инфраструктуры.

Ошибка может трактоваться как сбой системы, некорректность данных или несовершенство модели.

Однако подобная диффузия не устраняет проблему авторства. Как подчёркивал Ханс Йонас, технологическое посредничество не отменяет моральной ответственности человека [12; 13]. Делегирование вычисления не означает делегирование решения как акта согласия. Даже если алгоритм предлагает оптимальный вариант, принятие или отклонение предложения остаётся за субъектом.

В этом контексте вина сохраняет статус маркера субъективности. Она указывает на то, что действие не сводится к автоматическому следованию алгоритму. Вина фиксирует остаток внутреннего разрыва, который не может быть полностью устранён логикой оптимизации.

Таким образом, тревога и вина в условиях алгоритмической рациональности не исчезают, но трансформируются. Тревога частично замещается управляемым риском, а вина — распределённой ответственностью. Однако обе категории продолжают свидетельствовать о несводимости субъекта к модели.

Именно в этих экзистенциальных индикаторах обнаруживается предел алгоритмической онтологии: несмотря на минимизацию неопределённости и формализацию решения, внутренний разрыв, лежащий в основании человеческого существования, сохраняет свою онтологическую значимость.

IV. Проектность и проблема цифровой идентичности

В экзистенциальной философии проектность понимается как структурная характеристика человеческого существования. Человек не сводится к наличной фактичности и не исчерпывается уже осуществлённым. Его бытие определяется устремлённостью к ещё-не-осуществлённой возможности. Проектность выражает открытость будущему и способность к самоопределению в горизонте ещё-не-бытия.

В философии Мартин Хайдеггер человеческое существование (*Dasein*) раскрывается как «бытие-возможность» [11]. Субъект не совпадает с собственным прошлым и не фиксируется в актуальном состоянии. Он существует как набросок (*Entwurf*), как устрем-

лённость к потенциальному. Аналогичным образом у Жан-Поль Сартр человек мыслится как проект, который постоянно выходит за пределы уже данного [7]. Проектность, таким образом, не является психологическим свойством или индивидуальной чертой характера; она выступает онтологической структурой существования.

В условиях цифровой трансформации формируется иная модель идентичности. Цифровая идентичность конструируется через накопление данных, фиксацию поведенческих следов и выявление устойчивых корреляций. История действий пользователя архивируется, анализируется и используется для прогнозирования будущего поведения [9]. Биография в этой перспективе приобретает статус базы данных, а прошлое становится предиктором будущего.

Алгоритмическая рациональность опирается на повторяемость. Модель строится на основе статистической устойчивости паттернов. Предсказание предполагает континуальность поведения: будущие действия выводятся из прошлых корреляций. В этом смысле алгоритм ориентирован на воспроизводимость, а не на разрыв.

Экзистенциальная проектность, напротив, предполагает возможность радикального пересмотра собственной траектории. Человек способен изменить направление существования вопреки накопленным данным, выйти за пределы выявленных закономерностей и тем самым нарушить вероятностный сценарий. Этот акт не является случайным отклонением; он выражает способность субъекта к самоопределению.

Проблема заключается в том, что цифровая идентичность стремится к стабилизации субъекта. Она фиксирует его в совокупности поведенческих параметров и тем самым снижает степень открытости будущего. Чем более детализирована модель, тем выше вероятность совпадения субъекта с собственным цифровым профилем. Возникает риск отождествления личности с её статистическим представлением.

Однако даже при высокой степени алгоритмической предсказуемости сохраняется возможность разрыва. Проектность проявляется именно в способности субъекта не совпасть с цифровым профилем, выйти за пре-

делы алгоритмически стабилизированной идентичности. В этом акте обнаруживается различие между моделью и существованием.

Следовательно, конфликт между проектностью и цифровой идентичностью не сводится к технической проблеме конфиденциальности или точности данных. Он затрагивает саму структуру субъективности. Если идентичность полностью определяется массивом данных, то будущее оказывается продолжением прошлого. Если же сохраняется способность к самоизменению, то проектность остаётся онтологическим основанием свободы.

Таким образом, алгоритм функционирует в логике повторяемости и корреляции, тогда как проектность связана с новизной и возможностью разрыва. В этом различии проявляется предел редукции человека к цифровой модели.

Проектность как онтологическая структура указывает на несводимость субъекта к его архивированному профилю. Она свидетельствует о том, что человеческое существование не исчерпывается данными и не может быть полностью предсказано на основе прошлых паттернов. Именно в способности к пересмотру себя и изменению траектории вопреки вероятностному сценарию сохраняется экзистенциальная глубина субъективности.

V. Смысл и ответственность как предел алгоритмической онтологии

Вопрос о смысле и ответственности занимает центральное место в анализе границ алгоритмической рациональности. Если свобода, тревога и проектность выявляют напряжение между предсказуемостью и открытостью, то смысл и ответственность фиксируют предел редукции человеческого существования к вычислимой модели.

В логотерапевтической концепции Виктор Франкл поиск смысла рассматривается как фундаментальная мотивация человека [10]. Смысл не является производным от удовлетворения потребностей или адаптации к среде; он связан с переживанием значимости и внутренней направленностью существования. Человек стремится не только к успешному функционированию, но и к осмысленности своих действий.

Смысл не редуцируется к информации.

Информация предполагает передачу и обработку данных, тогда как смысл возникает в акте соотнесения действия с собственным существованием. Он не является свойством объекта или структуры данных; он формируется в горизонте субъективного принятия. В этом контексте важно различать релевантность и значимость. Алгоритмическая система способна определить релевантность информации на основании корреляционных критериев, однако она не способна переживать значимость как внутреннюю соотнесённость действия с ценностным горизонтом субъекта [8; 9].

Алгоритмическая рациональность функционирует в режиме ранжирования и оптимизации. Она сопоставляет параметры, выявляет закономерности и предлагает наилучший с точки зрения заданных критериев вариант. Однако критерии оптимальности формируются вне самой системы — в пространстве человеческих целей и ценностей. Алгоритм может реализовывать заданную функцию, но не способен конституировать смысл как экзистенциальную категорию.

Проблема ответственности тесно связана с категорией смысла. Ответственность выступает продолжением свободы и выражает признание субъектом авторства собственных действий. В отличие от функционального выполнения операции, ответственность предполагает принятие решения как собственного и готовность нести его последствия.

В цифровой среде, где принятие решений всё чаще опосредуется алгоритмическими рекомендациями, возникает тенденция к распределению ответственности между человеком и системой. Однако распределение функций не означает устранение субъекта как носителя окончательного согласия. Даже при наличии автоматизированных процедур акт утверждения или отказа остаётся человеческим.

Ответственность не поддаётся оптимизации в статистическом смысле. Она не может быть сведена к вычислению наиболее вероятного исхода или к корректировке параметров системы. Ответственность предполагает персональную соотнесённость действия с «я». В этом отношении она носит не количественный, а онтологический характер.

Ни одна вычислительная система не способна принять решение как судьбу, поскольку она не обладает экзистенциальной перспективой. Алгоритм реализует заданную функцию, но не соотносит её с собственным бытием. Отсутствие внутренней перспективы исключает возможность ответственности в строгом смысле слова.

Именно в категории ответственности обнаруживается предел алгоритмической рациональности. Если действие полностью сводится к автоматической обработке данных, то исчезает пространство авторства. Однако сохранение ответственности свидетельствует о том, что субъект не совпадает с вычислительной процедурой и не растворяется в цифровой инфраструктуре.

Таким образом, смысл и ответственность выступают предельными категориями, через которые выявляется несводимость человеческого существования к алгоритмической модели. Они указывают на то, что даже в условиях высокой степени цифрового посредничества сохраняется онтологический разрыв между системой вычисления и субъектом, способным соотносить действие с собственным существованием.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что алгоритмическая рациональность в цифровую эпоху приобретает статус онтологической установки. Поведение человека всё чаще интерпретируется как вычислимый процесс, поддающийся статистическому описанию и предиктивному моделированию. В рамках данной установки формируется то, что может быть обозначено как онтология прозрачности: предполагается, что при достаточном объёме данных любое действие может быть объяснено и спрогнозировано.

В противоположность этому экзистенциальная философия исходит из онтологии разрыва, в которой человеческое существование определяется несводимостью к фактичности. Человек не совпадает с собственной данностью и не исчерпывается моделью своего поведения. Свобода, тревога, вина, проектность, смысл и ответственность выступают структурными характеристиками этой несводимости.

В условиях алгоритмической рациональности данные экзистенциалы не исчезают,

однако их способ проявления изменяется. Свобода смещается из плоскости вариативности опций в плоскость отношения к предсказуемости; тревога трансформируется из явного переживания открытости в форму напряжения между управляемостью и неопределённостью; вина сталкивается с феноменом диффузии ответственности; проектность оказывается в конфликте с алгоритмически стабилизированной идентичностью; смысл противопоставляется информационной релевантности; ответственность сохраняет характер персонального авторства в условиях технического посредничества.

Тем самым экзистенциалы проявляются как границы вычислительной логики. Они фиксируют те аспекты человеческого существования, которые не могут быть полностью редуцированы к алгоритмическому описанию. Различие между человеком и алгоритмом определяется не уровнем сложности или мощности обработки данных, а онтологическим статусом субъекта. Алгоритм функционирует в режиме прогнозирования

и оптимизации, тогда как человек соотносит действие с собственным существованием и принимает его как своё.

Сохранение субъектности в цифровую эпоху связано не с отказом от алгоритмических инструментов, а с удержанием внутреннего разрыва как основания свободы и ответственности. Способность не совпасть с вероятностной моделью, пересмотреть заданную траекторию и принять последствия собственного выбора свидетельствует о том, что человеческое бытие не исчерпывается вычислительной процедурой.

Следовательно, проблема алгоритмической рациональности является не только технологической или этической, но прежде всего онтологической. Вопрос состоит не в том, способны ли алгоритмы к более точному прогнозированию, а в том, сохраняется ли в условиях цифрового посредничества пространство внутреннего самоопределения.

Именно в сохранении ответственности как акта авторства обнаруживается предел алгоритмической онтологии и основание субъектности в XXI веке.

Список литературы

1. Бекбоев А. А. (Аскар Абдыкадыр). Адам и Искусственный интеллект (в двух разделах) / Аскар Абдыкадыр. — Алматы: Дарын, 2024. — 350 с. — URL: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/ru/view/9995/> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Бекбоев А. А. Искусственный интеллект и трансформация мышления: философский анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 6. — С. 85–94.
3. Бостром Н. Суперинтеллект: Пути, опасности, стратегии. — М.: АСТ, 2016. — 512 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. — М.: Республика, 1993. — 352 с.
5. Лекторский В. А. Субъект и познание // Вопросы философии. — 2001. — № 4. — С. 3–15.
6. Морозов Е. Цифровая диктатура: власть алгоритмов и будущее общества. — М.: Individuum, 2020. — 384 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
8. Смирнов А. В. Логика смысла и онтология культуры. — М.: Языки славянской культуры, 2011. — 384 с.
9. Флориди Л. Информационная философия и этика цифровой эпохи. — М.: Логос, 2021. — 420 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с.
12. Хоружий С. С. Синергичная антропология: человек в эпоху техноцивилизации. — М.: Институт философии РАН, 2018. — 396 с.
13. Юдин Б. Г. Человек в мире технологий // Вопросы философии. — 2018. — № 6. — С. 5–17.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994. — 527 с.